

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение *В.С.Алексеева-Попова*

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ЛЕО ФРАНКЕЛЬ

(1844—1896)

Лео Франкель был одним из наиболее близких К. Марксу и Ф. Энгельсу деятелей Парижской Коммуны 1871 г., участвовавших в подготовке и осуществлении социалистических мероприятий первого в мире рабочего государства.

Лео родился 24 февраля 1844 г. в Обуда-Уйлакон, предместье Будапешта, в небольшом домике на улице Людвига, № 27¹. Отец его, Альберт Франкель, работал врачом на судостроительной верфи. Рабочие и городская беднота глубоко уважали и любили своего врача, хорошо знавшего условия быта и тяжелого труда венгерских рабочих и чутко относившегося к ним.

По окончании четырёхклассного училища мальчика отдали в обучение к ювелиру. Юный Лео охотно учился ремеслу, но очень страдал от грубого обращения хозяина. Получив однажды от мастера пощёчину, Лео бросил работу и ушёл от него навсегда.

В эти годы Лео увлекался чтением. Он читал не только Гейне, Шиллера, но и книги философов-энциклопедистов. «Дидро учил его диалектическому мышлению, Д'Аламбер — свободе исследования, Вольтер — осмеиванию предрассудков, Шиллер — восстанию», — пишет его венгерский биограф Араньоши².

¹ См. М. Aranyossi, Frankel Leo, Budapest 1952, p. 7.

² Ibid., p. 10.

Рано стали волновать Лео национально-освободительные и революционные идеи. Его героем стал Кошут¹, многочисленные рассказы о котором Лео слышал от отца. Как припоминает племянник Лео, доктор Антон Мольнар², отец Лео, Альберт Франкель, тайно носил у себя на груди шелковый платок, на котором был вышит портрет Кошута.

16 лет от роду Лео по старинному обычаю немецких подмастерьев решил отправиться странствовать по белу свету. В начале 60-х годов XIX в. Франкель побывал в Южной Германии.

Здесь молодой Франкель впервые принял участие в рабочем движении. Некоторое время он находился под влиянием идей Ф. Лассалья³ и сотрудничал в его газете «Sozial-demokrat» («Социал-демократ»). В 1867 г. Франкель впервые приехал во Францию, где уже возникли секции Интернационала. Он принял в их работе горячее участие. Одновременно он был корреспондентом венской газеты «Volksstimme» («Голос народа») и других немецких и австрийских газет («Volkswille» и др.). В газету «Volksstimme» Франкель посылал из Парижа острые политические статьи. Однако литературная деятельность не могла обеспечить ему существование. Чтобы обеспечить себе заработок, он устроился в мастерскую к одному из парижских ювелиров и получал 30—40 франков в день⁴.

Маркс и Энгельс, много слышавшие о Лео Франкеле от своих друзей, интересовались его литературно-политической деятельностью.

К концу 60-х годов Франкель под влиянием растущего революционного движения пролетариата, ожесточённой идейной борьбы в Интернационале, которую вёл Генеральный совет под руководством К. Маркса, и особенно под влиянием тех решений, которые были приняты на конгрес-

¹ Кошут, Лайош (1802—1894) — борец за независимость Венгрии.

² См. М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 2.

³ Лассаль, Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, основатель одной из разновидностей оппортунизма в рабочем движении Германии — лассальянства. Сыграл известную роль в создании в 1863 г. Всеобщего Германского рабочего союза, но повёл его по оппортунистическому пути, предавая интересы рабочих в угоду прусскому юнкерскому правительству. Маркс и Энгельс осуждали его тайные переговоры с Бисмарком, его раболепство перед правительством, его отрицательное отношение к борьбе рабочих за повышение заработной платы.

⁴ См. М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 17.

сах I Интернационала в Брюсселе и Базеле, отошёл от лассальянства и присоединился к группе левых прудонистов во главе с Варленом. Огромную роль в этой идейной эволюции сыграло посещение Франкелем Лондона и личное знакомство с К. Марксом.

В 1870 г. Франкель организовал секцию немецких социалистических рабочих Франции, которая принимала совместно с французскими членами Интернационала деятельное участие в революционной борьбе парижского пролетариата. 25 февраля 1870 г. сообщая с Генрихом Бахрухом, членом этой секции, он опубликовал в швейцарской социалистической газете «Egalité» письмо, где протестовал против ареста Варлена и выражал сочувствие «этому смелому борцу социалистического дела». В мае 1870 г., во время третьего судебного процесса над Парижским бюро I Интернационала, секция обратилась с воззванием к немецким и венгерским рабочим, призывая их вступать в Международное Товарищество Рабочих. Франкель и его единомышленники заявляли в этом воззвании, что только братское объединение рабочих может освободить их от ига капитализма, от морального и материального рабства.

В обстановке возрастающей революционности рабочего класса быстрый рост влияния Интернационала сделался опасным для господствующих классов Франции. Правительство Наполеона III решило расправиться с секциями. В июне 1870 г. были произведены многочисленные аресты.

К третьему процессу, происходившему с 22 июня по 5 июля 1870 г., было привлечено 38 членов Интернационала по обвинению в создании тайного общества, в том числе и Л. Франкель. Сперва он отказывался отвечать на вопросы государственного обвинителя, но затем произнёс речь, изумив трибунал своими глубокими познаниями в области политической экономии. Речь Франкеля показала, что он изучил «Капитал» Маркса.

Своё выступление он посвятил тому, чтобы доказать, что Интернационал не есть тайное общество. Его товарищи считают немыслимым, начал он свою речь, чтобы правительство Франции, обещавшее установить у себя такую же свободу, как в Англии, может преследовать, как «тайное», общество, которое свободно существует по ту сторону канала. «Какую цель, кроме предумышленного

намерения оклеветать,— спрашивал Франкель у суда,— могло иметь это напоминание государственного обвинителя? С какой целью, если не с этой, он стал по этому поводу клеймить ораторов разрешённых законом 6 июня 1868 г. публичных собраний, ставших якобы «театром тысячи разнузданных выступлений и странных насилий»? Обвиняя в этом только Интернационал, обвинитель утверждал, что суду неоднократно приходилось применять наказания против проповедников «разрушительных доктрин» в этих клубах; но, странно, в таком случае,— говорил Франкель,— почему же этих лиц мы не видим на скамье подсудимых»¹.

Франкель напомнил суду, что с самого начала инициатива публичных собраний принадлежала некоторым солидным, пользующимся известностью буржуазным экономистам (Горну, Ж. Гарнье, Курсель-Сенейлю). Именно они-то и обсуждали на собраниях вопросы «о женском труде», о «капитале и процентах». Но, допуская даже, что такие публичные собрания возникали под влиянием Интернационала, что члены Интернационала выступали на них чаще многих других, это ничуть не доказывает, что Интернационал — тайное общество!

«Государственный обвинитель говорил о «кровавых столкновениях» в Женеве, Бельгии в результате стачек, вызванных Интернационалом. Но почему уже при этом не упомянуть,— спрашивал Франкель,— о кровавых событиях в Рикамари, Обэне, Сиварове? Эти стачки...— не что иное, как симптомы заболевания общества, симптомы, которые при нашем теперешнем способе производства становятся всё более и более многочисленными, потому что в силу такого метода производства так называемое «национальное богатство» постепенно сосредоточивается во всё меньшем числе рук, причём этому процессу соответствует всё больший и больший численный рост пролетариата. Только незнанием законов экономики и объясняется то обстоятельство, что стачки приписываются Интернационалу. Стачки возникли не вчера; они существовали ещё в прошлом веке. Достаточно ознакомиться с этим по «Истории рабочего класса» Левассера — автора, которого никак

нельзя заподозрить в принадлежности к Интернационалу!»¹

«Зарплата рабочих,— продолжал Франкель,— устанавливается хозяевами настолько несправедливо, настолько произвольно, что экономисты всех времён и стран вынуждены признать, что оплата труда регулируется только крайней необходимостью, жизненной потребностью. Таково мнение не членов Интернационала или какого бы то ни было социалиста, а Тюрго², в его «Рассуждении о создании и распределении богатств» (§ VI)... Сопротивление, оказываемое рабочими хозяевам, является вполне естественным, а вовсе не «созданным искусственно» Интернационалом... Меня несколько не удивляет, что капиталисты по поводу стачек, вызываемых их жадностью, обвиняют прежде всего Интернационал. Они действуют в этом случае, как волк в басне Эзопа: находясь на берегу ручья, волк обвинял стоящего ниже его ягнёнка, утолявшего в ручье жажду, в том, что он «мутит ему воду». Тщетно ягнёнок оправдывался, что ручей не может течь вверх; ничто ему не помогло: волк искал лишь предлога, чтобы съесть ягнёнка!»

Франкель говорил медленно и спокойно, следя за тем, чтобы не делать ошибок и этим не ослабить эффекта своей речи.

«Интернационал,— в заключение сказал Франкель,— такое дерево, корни которого глубоко сидят в земле всех стран, и было бы наивностью пытаться осушить сок, струящийся под корой этого дерева, тем, что мы отрежем ту или иную из его ветвей. Тем же, кто не умеет толковать знамение своего времени, кто воображает, что социальное движение можно остановить этим судебным процессом,— тем я отвечу словами Галилея: «E pur si muove!»—«А всё-таки она вертится!».

Союз пролетариев всех стран — уже совершившийся факт, и нет силы, которая могла бы его расторгнуть»³.

¹ «Troisième Procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris», p. 217.

² Тюрго, Робер Жак, барон (1727—1781) — французский экономист, проводивший реформы в духе идей физиократов.

³ «Troisième Procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris», p. 220.

¹ «Troisième Procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris», p. 216.

В своём письме Энгельсу (18 мая 1870 г.) Маркс с большим одобрением отзывался о поведении парижских секций Интернационала:

«Наши французские члены наглядно демонстрируют французскому правительству различие между политическим тайным обществом и действительным рабочим объединением. Едва успело оно запереть в тюрьму всех членов парижского, лионского, руанского, марсельского и др. комитетов... как *вдвое более многочисленные комитеты* объявляют о себе в газетах, как о преемниках их, в самых резких и вызывающих заявлениях (к тому же предусмотрительно сообщая при этом *свои личные адреса*). Французское правительство сделало, наконец, то, чего мы так долго желали,—превратило политический вопрос: империя или республика — в вопрос *de vie ou de mort* [жизни или смерти] для рабочего класса»¹.

9 июля 1870 г. был вынесен приговор, согласно которому Франкель был осуждён на два месяца тюрьмы: наказание он отбывал в тюрьме в городке Бовэ, неподалёку от Парижа.

Вскоре после свержения Второй империи и провозглашения Республики Франкель вышел на волю и вернулся в Париж. Во время осады Франкель вступил национальным гвардейцем в один из маршевых батальонов и одновременно вернулся к своей прерванной политической деятельности.

Франкель был другом и любимцем парижских трудящихся, которые прониклись к нему чувством симпатии уже тогда, когда он смело выступал на третьем процессе Интернационала. Франкель обладал исключительной способностью излагать и объяснять учение научного социализма ярко и — что особенно нравилось французским рабочим — с большим энтузиазмом. В обществе и на митингах он был любимым оратором. Он умел направить внимание слушателей к желаемой цели, влияя серьёзными доказательствами на умы, горячими словами на сердца, а иногда приводя слушателей в весёлое настроение остроумными анекдотами².

Рабочие не обращали внимания на его иностранный акцент. Они знали, что он сердцем и душой принадлежит

им, охотно делится своими большими знаниями и в то же время, как гвардеец, бесстрашно участвует в обороне Парижа. Всё это время Франкель принимал деятельное участие в работе парижских секций I Интернационала.

Франкель участвовал в составлении и редактировании воззвания, с которым парижские секции Интернационала обратились к международному пролетариату. Франкель сыграл большую роль в воссоздании Федерального совета, в состав которого он вошёл, и в реорганизации секций Интернационала, которые начали было распадаться во время франко-прусской войны, после ареста руководителей рабочего движения.

Большую помощь оказал Франкель члену Генерального совета Серрайе, направленному в Париж со специальным заданием помочь французским социалистам восстановить деятельность организации I Интернационала. Вместе с Франкелем Серрайе боролся против шовинизма, охватившего парижских рабочих; вместе они разъясняли необходимость активной политической борьбы и самостоятельной классовой пролетарской позиции во всех вопросах. Так, Франкель был в числе тех членов I Интернационала, которые боролись против совместного выступления с буржуазно-республиканскими партиями на выборах в Национальное собрание. Когда на заседании Федерального совета 5 января 1871 г. обсуждался вопрос о создании своего органа печати, Франкель горячо поддержал эту идею. Франкель предложил, чтобы «Федеральный совет обладал таким органом, который выражал бы его мысли: очень печально видеть, что из двух секций каждая в отдельности располагает средствами для создания такого органа, а Интернационал со всеми своими секциями не в состоянии создать свою общую газету»¹. «Нам нужна газета Федерального совета,— настаивал Франкель.— Если члены ассоциации не понимают, что их обязанность — держать её на должной высоте, то придётся отчаяться в будущем французских секций Интернационала!»².

На заседании 12 января 1871 г. вновь вернулись к обсуждению этого вопроса. Франкель заявил: «Нам нужен орган, который бы чётко разъяснял наши идеи! Как же вы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 345.

² См. М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 34.

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», p. 8.

² Ibid., p. 10.

хотите, чтобы рабочий, который ничего не знает, мог чему-нибудь научиться? Ему сегодня говорят о Коммуне, это слово его пугает, он не знает, что это такое. После создания Республики мы ничего не сделали. Буржуазия сейчас нас побивает! Ответим ей через газету, боевую, независимую, которая высоко и твёрдо держит знамя рабочих!»¹.

За недостатком средств было решено использовать уже существовавшую республиканскую газету «La Lutte à outrance» («Борьба до последней крайности»). Далее Франкель добавил: «О буржуазной республике нам теперь нечего спорить; газета «La Lutte à outrance» должна сейчас открыть дискуссию по поводу социальной республики»². Все секции поддержали решение Федерального совета, но потребовали, чтобы газета имела раздел «Трибуна Интернационала» и чтобы политическую часть газеты редактировали члены Федерального совета. Однако газета вскоре прекратила своё существование.

После капитуляции Парижа Франкель резко критиковал деятельность Федерального совета. 26 января 1871 г. на заседании, которое шло под его председательством, Франкель констатировал, что настроение делегатов крайне упадочное, а положение Парижа настолько серьёзно, что может привести всех в уныние. Нужна пропаганда! «Клубы и лиги ничего не сделали,— сказал он,— они допустили падение Парижа, который можно было спасти; в результате войны пруссак вступит в Париж, буржуазия постарается к нему подолститься, чтобы спасти свою власть и свои привилегии, и взвалит на нас (на рабочих.— А. Л.) все тяготы, причинённые войной»³.

Франкель поставил вопрос о необходимости возрождения секций Интернационала и их организационном укреплении.

«Начиная с 4 сентября, события вызвали развал Интернационала. Срочно необходимо,— сказал он,— восстановить секции, чтобы они нашли в себе необходимую силу. У нас есть моральная сила если не во Франции, то по крайней мере в Париже; но нам не хватает силы материальной, организации. Многие члены Ассоциации не пони-

мают её цели. Мы составили список кандидатов-социалистов, а большинство наших членов не отдаёт себе отчёта в причинах, заставивших нас внести в него вместо Луи Блана и Виктора Гюго неизвестные имена. Мы хотим ввести в депутацию нескольких членов Интернационала — рабочих. Жаль, что не поняли хорошо, какую цель нужно преследовать. Нам нужна мужественная организация, дисциплинированные секции... всегда преданные интернациональной идее, полные энергии, никогда не устающие и не сгибающиеся.

Только при этом условии мы будем готовы и сильны в день, когда придётся действовать, как бы ни было это неожиданно»¹.

В конце заседания Франкель добавил: «Я поддерживаю предложение Тейса о восстановлении Интернационала. Кроме того, я хотел бы, чтобы наметили средства создать свою газету и назначили секретарей, чтобы возобновить связи с Францией и с заграницей»². Однако время шло, а дело восстановления секций продвигалось вперёд очень медленно.

На заседании 22 февраля Франкель продолжал настаивать на скорейшей реконструкции Интернационала.

«Необходимо безотлагательно заняться организационными вопросами и вопросами обучения... Мы должны углубиться также в специальные вопросы — квартирной платы и борьбы с всеобщей безработицей. Секции должны принять участие в этой работе и сделать это немедленно...». «Я хотел бы, чтобы работа по восстановлению Интернационала шла быстрее...»³ «Я не перестану напоминать Федеральному совету о необходимости создания своего печатного органа: печать — могущественнейшее орудие пропаганды!»

Однако, несмотря на правильную и последовательную борьбу за самостоятельную классовую позицию пролетариата, Франкель делал ошибки. Так, он не понимал необходимости участия в ЦК Национальной гвардии и завоевания его на свою сторону. Он ошибочно рассматривал участие в ЦК как измену делу рабочего класса, как

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», p. 23—24.

² Ibid., p. 26.

³ Ibid., p. 48.

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», p. 55—56.

² Ibid., p. 59.

³ Ibid., p. 67—68; А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 18—19.

компромисс с буржуазией. «Наш путь интернационалистский,— говорил он,— и мы не должны с него сворачивать»¹.

В революции 18 марта руководители Федерального совета Интернационала — Варлен, Франкель, Дюваль, Асси, Серрайе приняли самое активное участие.

На пленуме Федерального совета 23 марта обсуждался вопрос о выборах в Коммуну.

Франкель предложил немедленно напечатать и выпустить воззвание Интернационала и расклеить его во всех 20 округах Парижа. Воззвание должно было призывать всех сторонников Интернационала к участию в выборах. «Нет надобности писать целые тома,— заявил Франкель.— Достаточно несколько строк, в которых мы обратились бы с призывом к нашим сторонникам и этим обеспечили бы выборам успех».

По поручению Совета Франкель с товарищами составил воззвание, где говорилось об идеях и целях избираемой Коммуны.

Однако воззвание было насквозь пропитано прудонистским духом. Напечатанное во множестве экземпляров на красной бумаге, оно было разослано всем провинциальным секциям Интернационала. Его задачей было рассказать и объяснить, что случилось в Париже, и призвать к созданию автономных коммун по всей Франции, как к единственному, по их мнению, средству освобождения трудящихся.

26 марта трудовой народ Парижа избрал 92 члена Парижской Коммуны, в том числе одного иностранца: 4080 голосами XIII округ избрал в члены Коммуны венгерца Лео Франкеля².

После избрания Франкеля в Коммуну перед Избирательной комиссией на первом же заседании, 30 марта, был поставлен следующий принципиально важный вопрос:

«Могут ли иностранцы допускаться в Коммуну?».

Ответ был таков: «Принимая во внимание, что знамя Коммуны есть знамя Всемирной Республики;

Принимая во внимание, что всякая гражданская община имеет право давать звание гражданина иностранцам, которые ей служат;

Что этот обычай с давних пор существует у соседних наций;

■ Принимая во внимание, что звание члена Коммуны является более важным знаком доверия, чем звание гражданина, а следовательно, само собою включает в себя и это последнее;

Комиссия полагает, что иностранцы могут допускаться в Коммуну, и предлагает вам утвердить избрание гражданина Франкеля»¹.

Это было важное решение Коммуны. Принятие венгерца Франкеля в Коммуну подтверждало её интернациональный характер. Недаром впоследствии Ленин, подчёркивая социальное значение этого факта, писал: «*Коммуна и Интернационал*. Франкель, поляки (знамя всемирной республики)»².

Через три дня (29 марта) Франкель был избран членом Комиссии труда и обмена.

Ещё через неделю (5 апреля) к этой его обязанности присоединилась новая: Франкель был кооптирован в Комиссию финансов. Наконец, 20 апреля его избрали делегатом в Исполнительную комиссию и переизбрали делегатом Комиссии труда и обмена.

Вскоре после своего избрания в Комиссию труда и обмена Франкель создал из делегатов 20 округов Парижа инициативную комиссию, которой предложил знакомить его с пожеланиями районов и этим установить постоянную связь между Комиссией труда и обмена и трудовым народом Парижа. Через день Франкель уже потребовал у этих делегатов разъяснений по различным интересовавшим его вопросам.

Далее он ввёл в эту инициативную комиссию доверенных лиц от разных профсоюзов. Франкель предоставил ей помещение во дворце Комиссии труда и обмена. «Рабочие заседали в роскошных залах аристократии — там, где раньше прогуливались фавориты империи и бесшумно скользили лакеи».

¹ А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 20.

² См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. I, p. 67.

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 329.

² В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 182.

Франкель правильно оценивал революцию 18 марта, как революцию пролетарскую, как осуществление полной ломки старого, буржуазного строя. Эту мысль он постоянно выражал на заседаниях Коммуны и её комиссий. «Наша задача — заложить фундамент права рабочих», — заявил Франкель на заседании Федерального совета 29 марта. «Мы не должны забывать, — говорил Франкель, — что революция 18 марта была совершена исключительно пролетариатом. Если мы ничего не сделаем в интересах этого класса, то я не вижу никакого смысла в существовании самой Коммуны!» «Прежде всего необходимо осуществлять социальные реформы», — говорил он.

В Коммуне Франкель, примкнувший к «меньшинству», продолжал бороться за то, чтобы в разработке декретов верх брали интересы не буржуазии и мещанства, а пролетариата; чтобы проводимые социальные реформы сразу показали рабочим Парижа, что Коммуна существует и действует прежде всего для них, чтобы «облегчить их жизнь и труд в настоящем и реорганизовать в будущем»¹.

В течение своей деятельности как члена Коммуны Франкель считал долгом поддерживать непосредственную связь с Марксом в Лондоне и получать его ценные указания.

Уже 30 марта 1871 г., вскоре после выборов в Коммуну, Франкель писал Марксу: «...Я избран в Комиссию труда... Моё избрание было утверждено на сегодняшнем заседании... тем не менее я не рассматриваю его с личной точки зрения, а исключительно как мероприятие международного порядка.

Приблизительно год тому назад я выпустил от имени немецкой секции воззвание к немецким рабочим, в котором особенно подчёркивал необходимость поддержки французского рабочего движения, так как видел в здешнем пролетариате передовой отряд социал-республиканской армии... если нам удастся осуществить коренное преобразование социальных отношений, то революция 18 марта останется в истории как наиболее плодотворный из всех бывших до сих пор переворотов, и в то же время она лишит почвы все будущие революции, так как

¹ М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 43.

в социальной области уже нечего будет более добиваться»¹.

Франкель просил Маркса высказать Комиссии труда и обмена своё мнение о социальных вопросах, которые надо провести в жизнь. «...Необходимо торопиться, — писал он, — так как прежде всего надо заложить фундамент социальной республики».

Он просил помочь ему советом, потому что на нём одном лежит ответственность за все реформы, которые он задумал провести и проведёт. «Этим Вы окажете во всяком случае, — заканчивает Франкель, — большую услугу нашему делу»². Между 7 и 12 мая Франкель побывал в Лондоне и навестил Маркса.

Одним из первых декретов, разработанных Комиссией труда и обмена, был декрет о мастерских, покинутых бегжавшими хозяевами. Ещё начиная с периода осады в Париже образовалось значительное количество покинутых мастерских; число их росло с каждым днём; возникла безработица. Заминка в экономической жизни создавала угрозу положению многих рабочих. Коммуна должна была решить этот вопрос.

Согласно декрету синдикальным камерам было предложено создать комиссии для обследования состояния брошенных мастерских, описи их инвентаря и передачи их в дальнейшем кооперативным ассоциациям занятых в них рабочих³. В дальнейшем предусматривалась компенсация владельцев. Декрет был единодушно одобрен на заседании Коммуны.

Несмотря на то, что решение вопроса было непоследовательным, половинчатым, значение его огромно. По словам В. И. Ленина, это был «знаменитый декрет».

Рабочее население Парижа восторженно приветствовало декрет. Союз механиков и ассоциация металлистов делегировали в Комиссию труда и обмена Коммуны двух граждан со следующим заявлением:

«Принимая во внимание,

...Что борьба, которая ведётся с таким мужеством... ставит своей целью экономическое освобождение труда;

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 175.

² «Arbeiter-Literatur». Sonderheft (I Internationale). Wien 1924, S. 5—6.

³ См. «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 367.

Что этот результат может быть достигнут только через ассоциацию рабочих, которая должна превратить нас из наёмных работников в членов производительного товарищества;

Даём нашим делегатам следующую общую инструкцию:

Положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства;

Организовать труд путём ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом.

За синдикат:

Председатель Делагэ...»¹

Для работ, возложенных на делегатов рабочих корпораций в связи с декретом о брошенных мастерских, Комиссия труда и обмена предоставила особое помещение в здании бывшего министерства общественных работ.

В числе декретов, разработанных Комиссией труда и обмена, был декрет о запрещении ночного труда булочников. Идея этого декрета возникла давно, задолго до революции 18 марта, и обсуждалась на заседаниях Федерального совета. Коммуна трижды рассматривала этот вопрос. Среди членов Коммуны не было единодушия в его решении. Рьяным сторонником декрета был Франкель.

На заседании Коммуны 28 апреля, обсуждавшем этот вопрос, Франкель заявил:

«Мы находимся здесь не только для защиты муниципальных вопросов, но и для проведения социальных реформ. А чтобы провести эти социальные реформы, должны ли мы сначала советоваться с хозяевами? Нет. Разве советовались с хозяевами в 92 году? А с дворянством советовались? Нет! Принимая мандат, я не имел другой цели, кроме защиты пролетариата...». «Я защищал его (декрет о запрете ночного труда булочников.— А. Л.), ибо считаю, что это единственный подлинно социалистический декрет из всех, изданных Коммуной. Все прочие декреты, быть может, совершенны, но ни один из них не носит столь определённого социального характера»².

Против декрета выступали члены Коммуны Лефрансэ, Артур Арну и другие. Они готовы были признать вредность и ненужность ночного труда булочников, но утвержда-

дали, будто только часть рабочих-булочников одобряла это мероприятие и что проведение его сверху (то есть декретом государства) якобы противоречит прудонистским принципам «свободной договорённости» хозяев и рабочих! Арну уверял, будто многие хозяева продолжали ночную работу «в полном контакте со своими рабочими». Ложность и тенденциозность этих прудонистских рассуждений доказываются хотя бы фактом, описанным в «*Journal officiel*» 17 мая: «Депутация до полутора тысяч рабочих-булочников, с красными знамёнами и флагами цехов, вчера в 7 часов вечера явилась в Ратушу — благодарить Коммуну за меры, принятые в пользу этих рабочих. Их приняли граждане Франкель, Фортюне и Лонге, выступившие с краткими речами, встреченными бурными аплодисментами. Депутация удалилась с возгласами: «Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!»»¹.

Декрет был введён в действие 3 мая. В дополнение к нему в мае был издан указ, каравший конфискацией хлеба тех хозяев, которые нарушали декрет о ночном труде рабочих-булочников. В целом декрет о запрещении ночного труда булочников, несмотря на то, что вопрос касался улучшения положения незначительного числа пролетариев, имел большое значение: он положил начало законодательным мероприятиям по охране труда рабочих.

Не менее важен был декрет об отмене произвольных штрафов и удержаний из зарплаты рабочих — прав, которыми деспотически пользовались хозяева. Декрет запрещал штрафы и вычеты из заработной платы рабочих и категорически требовал выплаты её в полном размере. Декрет касался как рабочих общественных предприятий, так и рабочих частных производств. Все вычеты и удержания, которые были произведены хозяевами за время с 18 марта, подлежали возврату пострадавшим. Нарушение декрета влекло за собой судебное преследование.

Рабочее правительство в лице своего делегата труда Франкеля решительно вторглось и в ту область, где ранее полновластно царил закон прибыли, — в область рынка. По словам Эли Реклю, «декрет о контроле над рынками... должен быть вписан красными чернилами в историю труда и Коммуны»². 12 мая на заседании Коммуны после

¹ А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 137.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 298.

¹ «*Procès-verbaux de la Commune 1871*», v. 11, p. 99—100.

² *Elie Reclus, La Commune au jour le jour 19 mars—18 mai, Paris 1908, p. 293.*

заявления Серрайе «Мы не требуем уничтожения уже существующих рынков; мы хотим только помешать эксплуатации рабочего класса, учредив контрольную комиссию для наблюдения за тем, чтобы цены устанавливались по соглашению между рабочими и синдикальными камерами или предпринимателями»¹ Франкель потребовал, чтобы в теграх расходов предпринимателей делались указания на зарплату, предлагаемую рабочим, чтобы Комиссия труда и обмена могла выбрать такого предпринимателя, который обещает рабочим наиболее выгодные условия².

Попытка Франкеля на заседании Коммуны провести 8-часовой рабочий день потерпела крах, и декретом 3 мая был установлен рабочий день в 10 часов.

Франкель занимался также вопросами зарплаты. Вместе с Авриалем (рабочим-директором артиллерийского арсенала) он заботился о регулировании рабочего времени и зарплаты в оружейных мастерских Лувра. Он требовал личной ответственности рабочего за производство, за материалы и целостность машин и вместе с рабочими мастерских начал организовывать первые завкомы³.

Несколько лет спустя Франкель так объяснял свои намерения: «Коммуна хотела превратить в средства труда кооперативов те средства производства, которые в руках немногих служили исключительно эксплуатации рабочих, их превращению в рабов. Хотя я распределил производственные кооперативы по 20 округам Парижа, они всё равно работали бы солидарно, в тесной связи друг с другом»⁴. Он добивался организации крупной промышленности не только на основе ассоциации рабочих каждой фабрики, но и на основе объединения всех этих товариществ в один большой союз. А «такая организация,— писал Энгельс в своём «Введении» к «Гражданской войне»,—...в последнем счете должна была вести к коммунизму, то есть к прямой противоположности учению Прудона»⁵.

Ленин впоследствии высоко и справедливо оценивал значение социальных мероприятий Коммуны: «В чисто социальной области она успела сделать немного, но это

немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства...»¹. Несомненно, что большая заслуга в разработке и подготовке этих мероприятий принадлежала Франкелю и Комиссии труда и обмена.

Далее, с целью облегчения материального положения должников, большую часть которых составляли мелкие буржуа, был при участии Франкеля, Беле, Асси и других разработан декрет об отсрочке платежей по векселям и долговым обязательствам, согласно которому погашение долгов (векселей, заёмных писем и т. д.) отсрочивалось на три года, считая с 15 июля 1871 г.; общая сумма долга делилась на 12 равных купюр, погашаемых каждые три

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 359.

² Ibid., p. 354.

³ См. M. Aranyosi, Frankel Leo, p. 42.

⁴ «Arbeiter Wochenschronik», 18 März 1877.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 441.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 114.

месяца; «должник, который, пользуясь этой отсрочкой, обманным образом скроет или уничтожит своё имущество в ущерб интересам кредитора, будет считаться злостным банкротом, если он коммерсант, и виновным в мошенничестве, если он не коммерсант»¹.

При обсуждении этого закона Франкель предлагал продлить срок уплаты всякого рода долгов ещё на год, то есть начинать уплату с 15 июля 1872 г. «Прежде всего,— заявил он,— нужно дать время мелким торговцам предотвратить банкротство»². Однако его предложение поддержано не было. Декрет был единодушно утверждён Коммуной на заседании 16 апреля. Он имел большое значение, ибо укреплял связи Коммуны с мелкой буржуазией Парижа.

Другой важной мерой облегчения положения парижской бедноты, обычно закладывавшей свои вещи (инструменты, одежду, бельё и т. д.) в ломбард, но давно уже утратившей возможность их выкупить, была разработка декрета о безвозмездной выдаче из ломбарда заложенных вещей, стоимостью не свыше 20 франков. Общая сумма стоимости заложенных вещей составляла около 8 миллионов франков.

Проект этого декрета был разработан Авриалем, заявившим, что «нужно показать, что мы заботимся о народе, который совершил революцию 18 марта». Были возражения, что декретом прежде всего воспользуются спекулянты. Но Франкель горячо поддержал проект Авриала, сказав, что сумму выкупаемых вещей в 50 франков считает минимальной: «Что касается торговцев, которые скупают ломбардные квитанции, то они делают это только ради золотых и серебряных вещей...».

В дополнении к проекту декрета, подписанному Франкелем и членами Комиссии труда и обмена, было сказано, что вдовы или сироты национальных гвардейцев, убитых на службе Коммуны, а также тяжело раненные гвардейцы получают свои заложенные в ломбард вещи бесплатно.

Комиссия труда и обмена подготовила также декрет о полном упразднении ломбарда. Однако многие члены Коммуны возражали против этой меры, которая должна была значительно ущемить права крупной буржуазии — владельцев ломбардов. Особенно возражала против этой

меры Комиссия финансов, возглавлявшаяся прудонистом Журдом. Коммуна боялась посягнуть на права собственников.

Позднее (6 мая) Франкель выступил на заседании Коммуны со следующим предложением, поддержанным Комиссией труда и обмена: безработица и нужда среди парижских трудящихся, главным образом женщин, так велики, что следовало бы создать мастерские (но не «национальные мастерские 1848 г.»). В этих мастерских распределяли бы работу среди женщин так, что, например, они могли бы сразу же получить свои заложенные швейные машинки и работать на дому.

Выступивший вслед за Франкелем Журд объяснил, что в распоряжении Комиссии финансов всегда будет достаточно средств, чтобы облегчить положение работающих женщин и помочь им выкупить их вещи из ломбарда¹.

Стремясь помочь мелким торговцам и избавить их от банкротства, Франкель гораздо строже подходил к крупным промышленникам, коммерсантам и рантье, которые во время осады имели большие доходы от разных выгодных производств; в декрете за подписью Франкеля, Арну, Вайяна и других было постановлено, что эта категория людей должна оплачивать стоимость своих квартир и вносить соответствующие суммы в муниципальные кассы².

В мае месяце Комиссия труда и обмена разработала проект декрета об условиях труда рабочих, выполнявших заказы Коммуны. Вопрос этот возник в связи с тем, что в апреле ряд подрядчиков по пошивке военного обмундирования сильно повысил расценки для портных, работавших на оборону Парижа.

13 мая проект Комиссии рассматривался Коммуной. В основу принятого Коммуной декрета был положен принцип обязательного заключения договоров преимущественно с рабочими корпорациями на все виды работ, заказываемых Коммуной.

Декрет 13 мая предложил всякий раз при заключении договора указывать минимальную сделную и подённую заработную плату рабочих, согласуя её с интендантством, синдикальной камерой (в данном случае с камерой портных) и с делегациями Комиссии труда и обмена и Комиссии финансов. Выступая в защиту этого проекта в

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 365, 372—373.

² Там же, стр. 110.

¹ См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 228—230.

² См. «La Liberté», Brux., 29 septembre 1872.

Коммуне, Франкель указывал, что эксплуататоры пользуются общей нуждой для снижения заработной платы трудящихся. Поэтому он энергично отстаивал принцип минимума расценок и предоставления заказов на пошивку в первую очередь рабочим корпорациям. Его поддержал Серрайе, заявивший, что подобным коллегияльным способом решения проблемы заработной платы «можно помещать эксплуатации рабочего класса»¹. Декрет был одобрен и принят Коммуной.

По предложению Франкеля, Коммуна учредила Высший финансовый комитет — орган, следивший за финансовым хозяйством бывших министерств и устанавливавший зарплату государственным служащим (не свыше 6 тысяч франков в год).

Значение работы Комиссии труда и обмена, возглавлявшейся Л. Франкелем, весьма велико. Оценивая её, один из деятелей французского рабочего движения заявил в 25-летнюю годовщину Коммуны: «1871 год благодаря Франкелю и его неизвестным товарищам вступает на сцену истории как общественная революция, направленная к коммунизму»².

Несмотря на высокую оценку, которую со всех сторон получила деятельность Франкеля в Коммуне, он совершил ряд ошибок. Прежде всего Франкель слишком ограничился проблемами, возникавшими в Комиссии труда и обмена. Он не пытался завоевать влияние в руководстве Коммуны и участвовать в организации обороны. А на этот последний вопрос неоднократно обращал внимание Маркс, подчёркивая, что в данной обстановке самым важным является внешнее и внутреннее укрепление Коммуны. В письме Франкелю и Варлену Маркс предупреждал руководство Коммуны о сделке, заключённой прусским командованием с Тьером, о том, что пруссаки обещали версальцам помощь в подавлении Коммуны, что Коммуна оставила без защиты северную сторону холмов Монмартра. Маркс разоблачал двурушничество Пиа и некоторых других видных деятелей Коммуны, настаивал на пересылке в Лондон документов, компрометирующих версальцев. Видимо, Франкель не сумел обеспечить выполнение всех этих полезных советов Маркса.

¹ «Journal officiel», 15 mai 1871.

² «Partiouvrier», 4 avril 1896.

Франкель не настаивал на помощи другим коммунам, возникшим в провинциальных центрах, и на том, чтобы привлечь крестьянство на сторону Коммуны. В отношении банка Франкель как делегат Комиссии финансов допустил непростительную ошибку: он обязан был добиваться, чтобы сломали сопротивление банка (что было одной из причин гибели Коммуны).

В общей характеристике Франкеля очень важно отметить прогрессивный взгляд Франкеля на роль женщины в обществе. Он старался разбить отсталый взгляд французских рабочих-прудонистов на женщину, место которой якобы только у домашнего очага. Сообща с Луизой Мишель, Елизаветой Дмитриевой и другими передовыми женщинами Парижа он доказывал рабочим, что ещё во время франко-прусской войны женщины-общественницы оказывали огромную помощь в самых различных областях жизни — и в народном просвещении, и в комитетах бдительности, и в санитарном обслуживании больных и раненых. Кроме того, в 1871 г. в Париже работало на производстве свыше 60 тысяч женщин.

В дни Коммуны Франкель приступил к профессиональной организации женщин Парижа. Вместе с Исполнительной комиссией Центрального комитета Союза женщин, в которую входили Натали Лемель, Алина Жакье, Лелу, Бланш Лефевр, Коллен, Жарри, Елизавета Дмитриева, Франкель опубликовал следующее воззвание к женщинам-работницам:

«Центральный комитет Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными уполномочен Комиссией труда и обмена Коммуны организовать труд женщин в Париже и создать синдикальные и федеральные камеры объединённых работниц; ввиду аналогии синдикальных и федеральных камер рабочих с объединениями работниц по их ремеслу, образующими свободные производственные ассоциации, федерированные друг с другом, Комитет приглашает всех работниц сегодня, в среду 17 мая, в 7 часов вечера, собраться в Бирже, чтобы избрать делегатов от каждой корпорации в синдикальные камеры, которые в свою очередь направят каждая по две делегатки для создания федеральной камеры женщин-работниц. За всеми справками обращаться в «Комитет Союза женщин», организованный и действующий в каждом округе Парижа»¹.

¹ М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 41.

На протяжении всего периода существования Коммуны Франкель решительно боролся с неоякобинцами, которые в своём стремлении чисто механически подражать деятелям и учреждениям 1793 г. доходили до абсурда и вредили делу революции.

Характерен эпизод с неоякобинцем Паскалем Груссе, назвавшим Франкеля и его друзей «жирондистами». «Если вы нас называете «жирондистами», — возразил Франкель, — то это, вероятно, потому, что вы ложитесь спать и просыпаетесь с номером газеты 1793 г. «Moniteur» в руках. Это и является причиной того, что вы не в состоянии понять, какова разница между буржуа и нами, социалистами-революционерами!»¹

Эти разногласия, однако, не мешали Франкелю держаться правильной революционной линии, которая требовала единства в рядах представителей центральной власти, и он заканчивает свой ответ Груссе следующими словами: «Конечно, между нашими точками зрения на методы и средства есть разница, — но в тот момент, когда наступит опасность, разрыва быть не может!». Франкель доказал это тогда, когда возникшие в мае месяце серьёзные разногласия между членами Коммуны по вопросу о создании Комитета общественного спасения привели к расколу и уходу «меньшинства». При опросе, когда очередь дошла до Франкеля, он так сформулировал свою точку зрения:

«Я не вижу пользы в создании этого Комитета, но, не желая давать повода для кривотолков, враждебных моим революционным социалистическим взглядам., я голосую за»².

Франкель, однако, присоединился к декларации «меньшинства», осуждавшей создание Комитета общественного спасения и рассматривавшей его как попытку установить диктатуру. Декларация заканчивалась следующими словами: «Убеждённые в том, что военный вопрос сейчас выше всех прочих, мы решили посвятить остаток времени от наших муниципальных занятий борьбе в обществе наших братьев из Национальной гвардии и примем участие в этой решительной битве во имя прав народа. Там мы с

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 408.

² Ibid., p. 35.

пользой будем служить своим убеждениям и избежим конфликтов в Коммуне»¹.

После этого следовала приписка Франкеля:

«Голосуя за Комитет общественного спасения, я резервировал за собой право его судить. Это право я использую сейчас, присоединяясь к «Декларации меньшинства». Прежде всего я хочу спасения Коммуны»².

Действия «меньшинства» вели к ослаблению Коммуны и потому были ошибочными. Франкель, выступавший с критикой «большинства», не понимавший необходимости усиления революционной власти, поступил, однако, правильно, не покинув ради сохранения единства в Коммуне поста, вверенного ему народом.

17 мая Франкель заявил на заседании Коммуны: «Я не принадлежу ни к какой фракции Палаты, но я подписался под заключением Декларации и буду его защищать перед вами и перед моими избирателями... Комитет общественного спасения разрушил Военную комиссию, так как в ней были люди, голосовавшие против него. Он окружает себя более или менее способными людьми, лишь бы только они были на его стороне. Если Декларация была опубликована, это ваша вина... Вы можете меня удалить из моей делегации. Но пока вы этого не сделаете, я останусь в делегации и буду продолжать заниматься интересами трудящихся,— что я и делал до сих пор»³.

Франкель, как и некоторые другие деятели «меньшинства» Коммуны, недостаточно оценил важность создания единой плановой обороны Парижа и организации с этой целью Комитета общественного спасения. Подобно другим членам Коммуны, Франкель всё свободное время проводил на передовых позициях, на баррикадах, стрелял в версальцев, вместе с рядовыми бойцами-коммунарами ел из общего котла, вместе с ними отступал.

Дважды Франкель был ранен (второй раз в Сент-Антуанском предместье). Вместе с ранеными коммунарами его отвезли в мэрию XI округа, где ему сделала перевязку Елизавета Дмитриева.

После падения Коммуны она помогла ему бежать. Часами возили его друзья в фиакре по городу, из района в район. Затем в плаще баварского драгуна Франкель,

прекрасно говоривший по-немецки, вместе с транспортом раненых благополучно прошёл немецкие аванпосты.

Вот что рассказал об этом Франкель в письме в швейцарскую газету «Vorbote» («Предвестник») ¹: «...Мне удалось проскользнуть рядом с другими людьми, среди которых выделялась на редкость талантливая дама, стоявшая во главе Центрального комитета женщин, раненная рядом со мной в баррикадных боях, в которых принимала живейшее участие»². Один французский рабочий устроил нам вход в какой-то дом, откуда мы беспрепятственно смогли перейти границу. Но меня по пути несколько раз задерживали французские жандармы и полицейские, требовавшие предъявления документов, спрашивавшие у меня, кто я, откуда и куда иду и т. д. При отсутствии у меня паспорта я бы, наверное, попался, если бы мне не помог мой притворно-простодушный вид... Но в Мо... какой-то полицейский ни за что не хотел удовлетвориться моими ответами и, как Шейлок, настаивая на «расписке», заставил меня вылезть из экипажа. «Вот тут-то ты и попался!»— подумал я, любезно предлагая руку своей попутчице, которая ни за что не хотела покидать меня, пока я не буду вне опасности (руку я предложил намеренно, чтобы скрыть, что я в неё ранен). Холодным, невозмутимым тоном я спросил полицейского, далеко ли он собирается меня вести, так как мне не хотелось бы опоздать на поезд. «В крайнем случае,— так же спокойно заметила моя попутчица,— мы тут переночуем, а завтра утром уедем...» — «Мне очень неприятно,— ответил полицейский,— но я не могу сказать вам, будут ли завтра ещё действительны ваши путевые билеты. А вы, собственно, куда хотите ехать?» — спросил он меня.— «Как куда? В Германию!»— ответил я. Он заколебался. «Ну тогда... ладно, садитесь обратно. Но когда вернётесь, позаботьтесь о паспорте...» Так мне удалось выскользнуть из рук сыщиков. Приехав в Кэль, я вынужден был распрощаться с моей боевой подругой и попутчицей, которая ехала через Гамбург в Англию, тогда как я собирался ещё поправить в Италии своё разрушенное здоровье».

Существует ещё одна версия побега Франкеля³. Племянник Лео, Антон Мольнар, рассказывает, что в авгу-

¹ «Vorbote» № 7, Juli 1871, 109—111.

² Очевидно, Е. Дмитриева.

³ M. Aranyossi, Frankel Leo, p. 59—60.

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 374.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 397.

сте 1871 г. Франкель собирался с фальшивым паспортом в кармане сесть в Остенде на пароход, идущий в Англию, как вдруг заметил, что за ним следят сыщики. На берегу он увидел знакомое лицо — актрису «Comédie Française», которая тоже ехала в Англию. Он подошёл к ней и тихо сообщил об угрожавшей ему опасности. Не теряя присутствия духа, актриса взяла его под руку и завела непринуждённый разговор о своих ролях, предстоящем турне и т. д. Сыщики, подслушивавшие эту беседу, были сбиты с толку — и Франкелю удалось благополучно уехать в Лондон.

Франкель вошёл в Генсовет в качестве члена-корреспондента для Австро-Венгрии. Он руководил немецкой рабочей организацией в Лондоне в её борьбе с лассальянцами. 15 декабря 1871 г. Энгельс писал об этом Либкнехту: «К сожалению, мы допустили к нам слишком много людей Швейцера; если бы Франкеля не было с нами, то за последнее время весь Союз попал бы в их руки»¹.

Франкель поддерживал постоянную связь с австрийскими, венгерскими и чешскими рабочими организациями, помогал им ценными советами в их борьбе с врагами Интернационала.

Чтобы обеспечить себе средства к существованию, Франкель в Лондоне давал уроки французского, немецкого и итальянского языков. Однако этих денег не хватало, и он снова занялся журналистикой. «Я не умел, как мой предшественник на посту министра, накопить себе ренту,— шутливо замечает Франкель,— поэтому я снова был выброшен на рынок труда, и, так как там спрос невелик, мне, вероятно, придётся выполнять рабскую работу за полцены. О, если бы «честные господа министры» подражали в этом «бандиту Коммуны!»»

Во время пребывания в Англии (1871—1875) Франкель сотрудничал в австрийской рабочей печати. Он опубликовал в 1874 г. в «Oesterreichischer Arbeiterkalender» («Австрийский рабочий календарь») работу «Карл Маркс — философ и агитатор». Эта работа, переведённая на чешский язык, познакомила чешских рабочих с Марксом.

Всё своё свободное время Франкель проводил в семье Маркса, где пользовался большой симпатией и любовью.

¹ Marx Karl u. Engels Friedrich, Briefe an A. Bebel, W. Liebknecht, K. Kautsky und andere, Bd. I, M. 1933, S. 41.

Внук Маркса Эдгар Лонге опубликовал очень любопытную рукопись «воскресной игры в доме Маркса», где за 1872 г. даётся полушутливая «анкета» Лео Франкеля, заключавшая в себе его ответы на следующие вопросы:

Вопрос:	Ответ:
Ваше любимое качество человека?	Скромность.
—«— в мужчине	Прямота.
—«— в женщине	Умение, заставив себя любить, этим заставить себе повиноваться.
Что Вы считаете наибольшим несчастьем?	Быть исключённым из Интернационала.
Что Вы ненавидите больше всего?	Пошлость и лицемерие.
Ваши любимые исторические герои?	Томас Мюнцер и Бабёф.
Любимое занятие?	Наблюдать.
Кого Вы считаете героем?	Того, кого историки именуют «Народ».
Героиней?	Луизу Мишель.
Ваш любимый поэт?	Гейне и В. Гюго.
Прозаик?	Томас Бюхли.
Любимые имена?	Элиза, Маргарита.
Ваш девиз?	«Если уже умирать, то по крайней мере сумеем умереть за правое дело» ¹ .

Эдгар Лонге рассказал корреспонденту венгерской газеты следующее: «Франкель познакомился с моим отцом Шарлем Лонге ещё в годы Второй империи. После падения Коммуны оба они эмигрировали в Лондон. Там они часто встречались в доме моего деда (Маркса). Отчётливо помню, что Карл Маркс высоко ценил этого венгерского рабочего борца»².

Франкель принял активное участие в Лондонской конференции I Интернационала (17—23 сентября 1871 г.), где он выступал на стороне Маркса. Некоторые предложения Франкеля были приняты. По одному из принципиальных вопросов он выступил 20 сентября 1871 г. сообща с

¹ M. Aranyossi, Frankel Leo, p. 65.

² Ibid., p. 65—66.

Серраи¹. Он напоминал, что политический и социальный вопросы неразрывно связаны между собой, что они являются лишь двумя сторонами одного и того же вопроса, который Международное Товарищество поставило себе целью разрешить,— вопроса об уничтожении классов. Поэтому он советовал использовать всякий благоприятный случай для провозглашения социальных принципов, являющихся основой Международного Товарищества Рабочих и составляющих его подлинную силу. Франкель выступал на конференции неоднократно. Он поддержал предложение Маркса о новом переводе Устава, считая необходимым перевести его на все языки², а также предложения Маркса об избрании Комиссии финансов, о проведении всеобщей статистики рабочего класса, о пропаганде в деревне и армии.

На конференции Франкель внёс проект резолюции о международных связях профессиональных союзов разных стран (принятый единогласно). Франкель отрицательно высказался по поводу заявления Бастелика, утверждавшего, что, пока во Франции существует закон Дюфора³, Интернационал ничего не может сделать и что следует бороться с этим законом путём создания обществ Интернационала под видом экономических обществ⁴.

На Гаагском конгрессе Интернационала (сентябрь 1872 г.), участником которого он также был, Франкель по всем вопросам поддерживал Маркса, за исключением вопроса о переводе Генсовета в Нью-Йорк. Франкель считал необходимым сохранить местопребывание Генсовета в Лондоне⁵. Он голосовал за исключение анархистов М. Бакунина и Гильома⁶ из I Интернационала.

Осенью 1872 г. Франкель был заочно приговорён французским 6-м Военным трибуналом к смертной казни по обвинению в «сообщничестве с убийцами» (ему приписывали участие в расстреле монахов-доминиканцев и в поджоге гобеленной фабрики). Но когда французское

правительство потребовало у Англии выдачи Франкеля, английские власти поставили условием выдачи предъявление доказательств его вины, чего, к своему крайнему конфузу, французский трибунал не смог сделать.

Несмотря на гонения против эмигрантов-коммунистов, Франкель не падал духом, а продолжал пропагандировать в печати свои марксистские взгляды. В это время он уже становится политически зрелым марксистом.

Вместе с Марксом он обсудил вопрос о своей дальнейшей политической деятельности. Было решено, что он поедет в Австро-Венгрию. В том же году (1875) Франкель покинул Англию и уехал в Германию; однако его выслали оттуда, и он направился в Вену, где был арестован (9 декабря 1875 г.).

Австрийские власти выдали Франкеля венгерскому правительству. Он оказался в тюрьме. Однако через некоторое время он был всё-таки освобождён.

Главной задачей Франкеля на этом новом этапе его деятельности была организация активных элементов в рабочей среде. Трудностей было много. Правительство Австро-Венгрии зорко следило за «подрывной» деятельностью революционеров. Характеризуя состояние рабочего движения в эти годы, Франкель писал: «Хотя в Венгрии приблизительно 16 миллионов населения (учитывая, что в пределах границ Транслейтании живёт много невенгерских элементов), в промышленности там занято лишь 700 тысяч человек. Но нужды здесь у народа немало; немало здесь, как вообще в индустриальных странах, и желания изменить существующее положение вещей»¹. Из рабочих организаций пока существовала единственная, да и то находившаяся в эмбриональном состоянии, касса взаимопомощи, помогавшая больным рабочим. Здесь хозяйничали профбюрократы, и за кассой следили власти. На этом хрупком основании Франкель попытался строить рабочую партию, которая должна была высоко держать «знамя воинствующего социализма»².

С этой целью Франкель стал издавать на немецком языке (чтобы охватить возможно большее количество

¹ См. «Лондонская конференция Первого Интернационала (17—23 сентября 1871 г.)», М. 1936, стр. 60—61.

² См. там же, стр. 23.

³ Французский министр юстиции Дюфор провёл в августе 1871 г. закон, каравший тюремным заключением от 2 до 5 лет за принадлежность к Интернационалу.

⁴ См. «Лондонская конференция Первого Интернационала», стр. 96.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 707.

⁶ См. там же, стр. 706.

¹ E. Tersen, La carrière militante de Leo Frankel, «Cahiers internationaux» № 16, 1950, p. 190—191.

² Ibidem.

квалифицированных рабочих) журнал «Arbeiter Wochenchronik» («Рабочая еженедельная хроника»). В этом журнале он доказывал, что каждый сознательный рабочий должен подписываться на орган, который защищает интересы рабочего класса.

Франкелю вскоре удалось добиться ослабления влияния в рабочей среде газеты «Népszava» («Голос народа»), издававшейся оппортунистическими элементами венгерского социалистического движения.

В мае 1878 г. создались благоприятные обстоятельства для созыва социалистического конгресса, который и состоялся в Пеште. На нём присутствовали 106 делегатов. Враждебное отношение правительства, трижды запрещавшего созыв конгресса, строжайший полицейский контроль (у входа в зал и внутри присутствовали жандармы и переодетые агенты в штатском) — всё это вынудило объявить «невинную» повестку дня («борьба за право голосования рабочих»). Однако этот конгресс послужил для Франкеля исходным пунктом для создания в дальнейшем рабочей партии.

Условия революционной работы в Венгрии были очень тяжёлыми. Реакционное правительство Тиссы запрещало подписку на «Arbeiter Wochenchronik», не разрешало публиковать политические статьи, поддерживавшие требования рабочих (например, большую стачку плотников летом 1880 г.). Деятели рабочего движения подвергались арестам, организовывались обыски, судебные процессы. Однако Франкель неустанно боролся за создание венгерской рабочей партии.

После четырёх лет борьбы он путём умелой мобилизации рабочей печати вырвал, наконец, у правительства согласие на образование «Всеобщей рабочей партии Венгрии». Однако правительство создало нетерпимые условия для деятельности партии. По одному из процессов Франкеля приговорили к 2 годам заключения в крепости.

В его отсутствие в рядах молодой Рабочей партии начались раздоры и конфликты, и достигнутое с большим трудом единство было нарушено.

В 1884 г. Франкель вышел на свободу и поселился в Вене. С большим трудом удавалось ему найти себе заработок. Некоторое время он работал корректором в «Wiener Allgemeine Zeitung» («Венская всеобщая газе-

та») и одновременно сотрудничал в социалистической печати, в газете «Gleichheit» («Равенство»).

В 1889 г. Франкель, давно тосковавший по Парижу, переехал туда (его излюбленным выражением было: «Умереть от голода в Париже, это ещё счастье!»)¹.

Вместе с Энгельсом он вёл упорную борьбу за создание II Интернационала. Он участвовал в работе второго конгресса II Интернационала, состоявшегося в Брюсселе в 1891 г. «Наш друг Лео Франкель выразил желание, чтобы в основу работы конгресса был положен принцип классовой борьбы», — сообщала газета «Bataille» («Битва») 21 августа 1891 г. Он присутствовал на Цюрихском конгрессе 1893 г. и на международном Парижском конгрессе горнорабочих 1895 г. Все эти годы Франкель с живейшим участием следил за развитием революционного движения в России.

Ещё в 1879 г. он пророчески предсказывал приближение революции в России. «Несомненно, что старое русское общество носит в своём чреве новое. Несомненно, что мы находимся накануне революции. И в этой революции родится новая Россия... такую революцию с энтузиазмом приветствовали бы все народы Европы, в том числе и народы Австро-Венгрии»².

Несмотря на слабое здоровье, Франкель продолжал напряжённо работать. Он регулярно посылал в центральный орган Германской социал-демократической партии «Vorwärts» («Вперёд») корреспонденции, получая за это не больше 125 франков в месяц, чего еле хватало на содержание семьи — жены и двух детей.

18 марта 1895 г. Франкель выступал на манифестации, посвящённой памяти жертв революции.

28 марта 1895 г., в годовщину того дня, когда горсточка коммунаров сражалась с версальцами, он возложил венки на Стену федератов на кладбище Пер-Лашез.

...В один из декабрьских вечеров 1895 г. Франкель быстро направлялся к Северному вокзалу Парижа, боясь опоздать к отъезду курьера, который ждал его для передачи очередной корреспонденции в «Vorwärts». Он торо-

¹ E. Tersen, La carrière militante de Leo Frankel, «Cahiers internationaux» № 16, 1950, p. 44.

² И. И. Орлик, Документы о влиянии русской революции на рабочее движение в Венгрии в 1905 году, «Вопросы истории» № 3, 1955 г., стр. 162.

пился, задыхался, обливаясь потом. На минуту он присел, чтоб отдохнуть,— и больше уже не поднялся... Спустя несколько месяцев, 29 марта 1896 г., Лео Франкель скончался в госпитале. 2 апреля он был похоронен на кладбище Пер-Лашез. Он оставил завещание, которое друг его Жеро Ришар прочитал вслух на похоронах:

«Я жил свободомыслящим, и так хочу я умереть. Поэтому я прошу, чтобы никакой священник, какой бы веры служителем он ни был, не смел приближаться ко мне в час моей смерти или во время моих похорон, чтобы «спасти мою душу».

Я не верю ни в ад, ни в «небо», ни в наказание, ни в награду на «том свете». «Ад и небо», наказания и награды «свыше» существуют в воображении каждого человека. Угрызения совести и удовлетворение — вот то наказание и награда, которые каждый получает и носит в себе за свои добрые и злые дела.

Я умираю без страха.

Меня должны похоронить так же просто, как любого из последних бедняков, издыхающих от голода. Единственное отличие, которое я желал бы для моего тела, это завернуть его в красное знамя, знамя международного пролетариата, за освобождение которого я отдал лучшую часть своей жизни и за что я всегда был готов ею пожертвовать»¹.

Таковы были последние слова Лео Франкеля, скромного социалиста, отдавшего все свои силы и жизнь борьбе за дело рабочего класса.

¹ E. Tersen, La carrière militante de Leo Frankel, «Cahiers internationaux» № 16, 1950, p. 45.